

В 1985 г. в составе «Корпуса источников по византийской истории», издаваемого в Думбартон Оксе Международной комиссией по публикации византийских исторических источников, вышло в свет эпистолярное собрание Льва, митрополита Синады и синкелла. Это — первое критическое издание всех сохранившихся документов, автором которых являлся видный церковный деятель и дипломат конца X в. Лев, митрополит Синады. В книге опубликованы тексты 53 писем Льва, адресованных разным лицам, и его завещание, написанное ок. 1003 г. Все памятники приводятся с параллельным переводом на английский язык и обширным комментарием (р. 93—139). Публикация снабжена кратким введением (р. VII—XV), библиографией использованных работ (р. XVII—XIX), указателями собственных имен и терминов (р. 141—143), а также начальных фраз всех издаваемых документов («Incipits» — р. 143).

Для того, чтобы судить о значении издания, необходимо прежде всего учитывать личность автора завещания и писем и, конечно, содержание самих текстов. Названные документы являются единственным компактным источником для изучения биографии Льва. Опираясь на них, можно установить, что он родился ок. 937 г., а в 90-е годы X в. занимал пост митрополита Синады в Малой Азии (фема Анатолик), являясь также членом корпорации синкеллов при константинопольском патриархе. В 996 г. он принимал участие в политической борьбе, связанной с замещением вакантного патриаршего престола в Константинополе. Вследствие не вполне ясных причин его не допустили на собор, где был избран (в апреле 996 г.) патриарх Сисиний II. Однако написанные Львом в это время два обширных письма (№ 53—54) являются весьма ценным источником по истории политических коллизий в среде высшего духовенства накануне и во время собора. В конце 996—начале 998 г. Лев выполнял важное дипломатическое поручение императора, находясь в составе миссии в Италии, где споспсобствовал возведению на папский престол ставленника провизантийских кругов при германском императорском дворе Иоанна Филагата (он же антипапа Иоанн XVI), вскоре низложенного Оттоном III. О своей деятельности в Риме, а также в ходе поездок по Италии, а позже и в Германию (988 г.) Лев подробно рассказывает в серии писем на родину, которые образуют небольшой самостоятельный эпистолярный корпус (по изданию М. П. Винсон: № 1—13). Среди адресатов этих и других писем Льва из Синады видные политические и церковные деятели (император Василий II, полководец Никифор Уран, константинопольский патриарх Сисиний II, патриархи Антиохии и пр.). Во многих письмах, не повествующих о важных исторических событиях и не подпадающих

точной датировке, приводятся в то же время ценные сведения о государственной и церковной администрации, экономике Анатолии на рубеже тысячелетий, интересные бытовые подробности. Значительная часть посланий написана в Синаде и дает возможность судить о положении и сфере влияния провинциального византийского церковного иерарха. Наконец, в своей совокупности, произведения Льва позволяют составить представление о человеческой сущности, нравственных свойствах и убеждениях автора. С этой точки зрения особенно показательно его завещание (№ 31), — в полном смысле слова «духовное». Лев целиком посвятил его самоанализу своей личности и вытекающим из него этическим выводам. Все перечисленные обстоятельства определяют незаурядное византиноведческое значение творений Льва из Синады и делают их критическое издание заметным явлением в византистике.

Ценность публикации еще увеличивается благодаря ее научным достоинствам. Издательница М. П. Винсон провела большую кропотливую работу по сличению рукописей, выявлению разночтений, уточнению отдельных слов и выражений. Много интересных находок содержит комментарий. Обращают на себя внимание аргументированные уточненные датировки ряда писем (напр., № 4, 6, 15, 19 etc.). Представляют интерес небольшие вводные статьи к комментариям отдельных посланий. Так, убедительны идентификация адресата письма № 36 с митрополитом эфесским Феодором, и привлекательно выглядит предположение, что это тот самый Феодор, который ранее сопровождал сестру императоров Василия и Константина Анну в Киев ко двору великого князя Владимира (р. 121). Отстроумное источниковедческое исследование содержит введение к комментариям на письмо № 38. Здесь, вслед за лингвистическим анализом термина «*ο εὐδικός*» (должность адресата письма по имени Лев), привлекается к рассмотрению такой своеобразный источник, как византийский шелковый покров, возложенный ок. 1000 г. на гробницу Карла Великого Оттоном III. На нем, в числе прочих, было вышито имя Михаила, обозначенного как *εὐδικός*. В самом деле, если предположить, что покров был новым, то названный Михаил может считаться преемником Льва на посту *εὐδικός*, а 1000-й год — *terminus ante quem* написания гисьма.

Подобных источниковедческих эссе немало в составе комментариев; в тех же случаях, когда вопрос основательно исследован предшественниками, М. П. Винсон дает исчерпывающую сводку установленных ими фактов и выдвинутых гипотез. В большинстве случаев очень удачно осуществлен перевод текстов на английский язык. Он не просто точен, но позволяет ощутить торжественный, высокопарный риторический стиль Льва

из Синады, дает возможность судить о его литературных и художественных вкусах. И тогда особенно показательными становятся неожиданно отмечаемые (и адекватно переданные в переводе) стилистические перебои, изменения в манере письма, характерные для некоторых посланий. В этом смысле особенно выразительно письмо № 43, адресованное императору Василию II и выполненное в строгом, лаконичном стиле, совершенно не свойственном Льву из Синады. М. П. Винсон резонно предполагает, что автор стремился подражать безыскусному деловому языку, которым обычно пользовался сам император (р. 126).

Американская исследовательница установила источники многих литературных аллюзий, цитат из Библии, произведений христианских и античных авторов, которыми нестят письма Льва.

Удача вступительная статья к изданию, хотя и очень небольшая, однако доносящая до читателя все точно установленные факты жизни и деятельности Льва из Синады и данные о рукописной традиции его сочинений. Вполне резонно, вслед за М. Я. Сюзюмовым, Н. Панайотисом и Ж. Дарузесом, М. П. Винсон отвергает старую гипотезу И. Сикутреса, П. Оргеля и А. Грегугара о том, что Лев, митрополит Синады, идентичен с историком Львом Диаконом. Несовпадения в биографиях этих лиц и, самое главное, различные трактовки одних и тех же событий позволяют в настоящее время окончательно отказаться от этого предположения.

Как и любая большая научная работа, рецензируемое издание не лишено недостатков. Во-первых, необходимо отметить, что М. П. Винсон прокомментировала далеко не все пассажи текста, которые в этом нуждаются. Приведем несколько примеров.

В письме № 8, адресованном некоему «Стефану, несравненному среди монахов», говорится: «Кафедру же бери, коли будет воля божья!» Конечно, комментатору необходимо было подумать над вопросом, какая епископская кафедра здесь имеется в виду.

Подробного исторического комментария заслуживает характеристика Рима (письмо № 9) как «града мудрого, колоссального и нуждающегося в человеке» («ἀύρα μὴ ἔχουσαν»). Ясно, что этим человеком Лев считал будущего антипапу Филагата, но какие впечатления от только что увиденного Рима подразумевает он, говоря, что город «нуждается в человеке»? В этом же письме Филагат представлен как архиепископ из Германии («Φραγγία»), а в комментарии сообщается, что он занимал с 988 г. кафедру в Пьяченце. Употребление в такой ситуации термина «Германия» нуждается в объяснении.

Письмо № 14, направленное патриарху Антиохии, целиком состоит из оправданий и повествует о страшном гневе, который испытывает патриарх по отношению ко Льву. Хотелось бы, хотя бы предположительно, представить себе, в чем причина этого гнева.

Письмо № 18 наполнено бранью по

адресу Арсения из Ираклии. Автор сожалеет, что некогда им самим «был назначен» Арсений. Но на какую должность и когда назначен? Видимо, епископом Ираклии и суффраганом Льва? Лев обвиняет его в продаже проэдру виноградника. По мнению М. П. Винсон, дело в том, что подобная сделка противоречит новелле Василия II, ограничивающей передачу земель динатам. Здесь уместной была бы информация о том, насколько вообще была распространена в епархиях Малой Азии практика отчуждения церковных земель в пользу динатов.

В комментарии к письму № 26, где есть аллюзии на Библию, следовало бы дать необходимую ссылку.

Во-вторых, далеко не все утверждения автора одинаково убедительны. Например, письмо № 11, адресованное константинопольскому патриарху Сисинию II и содержащее гневные инвективы в адрес Филагата, датировано весной 997 г. — временем его утверждения на папском престоле. Однако из других писем ясно, что Лев способствовал превращению Филагата в антипапу Иоанна XVI. Для того, чтобы разочароваться в своей creature, ему требовалось время. Вероятно, данное письмо написано позднее (вернее всего, — в конце 997 г., когда против узурпатора уже выступил император Оттон III). Тогда, кстати, и следующее письмо (№ 12), адресованное митрополиту Сард, где Лев всячески оправдывается по поводу поддержки, оказанной Филагату, надо датировать тем же временем.

Письма № 14—15 посланы анонимному «патриарху Антиохии». Из двух равновероятных персоналий (Агапий, низложенный в 996 г., и Иоанн III, возведенный на престол тогда же) М. П. Винсон избирает второго, имея в виду, что Иоанн прежде был хартофилаксом Святой Софии в Константинополе и скорее мог быть знаком со Львом из Синады. Однако нет никаких оснований считать, что малоазиатский митрополит не мог близко знать антиохийского патриарха. В то же время в письме № 15 Лев из Синады дважды намекает адресату на возможность его скорой кончины: «Когда уйдешь отсюда, займи место рядом с Господом!»; «Дай насладиться твоим обществом, пока не сменил жизнь земную на возвращение ко Господу». Думается, что шестидесятилетний митрополит Лев вряд ли допустил бы такую неоправданную бестактность по отношению к полному сил Иоанну III, который прожил после этого еще четверть века (умер в 1021 г.) и не намеревался отправляться «ко Господу» раньше самого Льва. Такие пожелания возможны и даже уместны в письме к доживавшему последние месяцы жизни старику Агапию.

М. П. Винсон чрезвычайно осторожна в предположениях и выдвигает их обычно лишь в том случае, когда способна тщательно их аргументировать. Это большое достоинство исследовательницы. Тем не менее, данное обстоятельство не лишает рецензента права высказать несколько

частных гипотез, которые напрашиваются в ходе чтения писем.

Комментируя письмо № 9, М. П. Винсон отмечает, что П. Шрам считал его адресатом константинопольского патриарха (р. 98)¹. Однако комментатор указывает, что письмо могло быть адресовано простому епископу. Формально это так. Но подчеркнута уважительный тон письма (в частности, обращение «благочестивейший отец и государь») и намек на возможность оказания адресатом протекции Льву перед лицом императора в сочетании с фактом, что во время пребывания в Италии Лев определенно состоял в переписке с патриархом, делают предположение П. Шрамма вполне обоснованным.

В письме № 36 Лев обращается к митрополиту эфескому как к «главе церкви» («κεφαλὴ οὖν καὶ στόμα καὶ λόγος καὶ νοῦς τῆς ὀλιγῆς ὄν ἐκκλησίας»). По этому поводу М. П. Винсон замечает, что это, вероятно, дипломатическое преувеличение, но оно могло быть и истиной, если константинопольская патриархия и митрополичья кафедра в Кесарии пустовали одновременно: ведь митрополит Эфеса был третьим по значению иерархом в патриархии (р. 122). Письмо очень оригинально адресовано: «Митрополиту Эфескому в ответ на (?) хрисовул» («διὰ χρυσοβουλίου»). Издательница отказывается от ответа на вопрос, какой хрисовул имеется в виду, лишь неуверенно предполагая, что этот термин употреблен в переносном значении. Между тем она сама же наводит читателя на мысль о разгадке: письмо написано в 991—996 гг., когда пустовал патриарший трон в Константинополе. Полные notizie эфесской митрополии, кажется, не сохранились, но весьма вероятно, что в эти годы был период, когда и там происходила смена епископов. Временным главой церкви стал митрополит эфесский, и по этому поводу прочим иерархам были направлены императорские хрисовулы. Получивший такой хрисовул митрополит Синады Лев тотчас же написал письмо новому владыке. Ситуацией объясняется и характер письма: оно полно подобо-страстных комплиментов и совершенно бессодержательно.

В письмах № 46—47 Лев упоминает своего брата. Кто этот брат — неизвестно. Но среди писем Льва три адресованы патрикию Мефодию (№ 4, 40, 41). В одном из них говорится: «Мы знаем, что наш приемный отец тебе родной. . . И на всю жизнь останемся мы не просто братьями, но любящими братьями.» Не следует ли предположить, что и в других письмах Лев называет своего сводного брата Мефодия просто братом?

Три письма подряд (№ 47—49) адресованы хартофилактору Святой Софии Константинопольской, который, путешествуя по Малой Азии, хотел встретиться со Львом. Встреча не состоялась, так как

Лев приехал в условленное место (в Дорилею) уже после отъезда хартофилакта. Следующее письмо (№ 50) послано неизвестному адресату. Как думал Ж. Дару-зес², им мог быть либо тот же хартофилакт, либо родной дядя Льва. М. П. Винсон определенно поддерживает вторую версию, так как Лев называет корреспондента своим «родителем и дядей» (р. 132). Но настораживает вот что: письмо написано в подобострастном тоне; автор его униженно просит прощения у адресата. Между тем известно, что дядя Льва служил у него в митрополии епископом, а Лев ему протектировал. Крайне маловероятно, чтобы он стал писать в такой манере своему подчиненному, пусть даже родственнику. Если же предположить, что родителем и дядей адресат назван риторически и письмо предназначено хартофилактору, — многое объясняется: Лев просит о прощении, так как тот выразил ему неудовольствие по поводу невки в Дорилею.

М. П. Винсон во всех случаях дает не подстрочный, а литературный перевод текстов, и это правильно. Однако иногда он нуждается в уточнениях. По версии М. П. Винсон, текст письма № 1, посланного остиарию Льву (в обратном переводе с английского), звучит так: «. . . был брошен в тюрьму в качестве временной отсрочки» (казни. — О. Б. Имеется в виду Филагат). В подлиннике говорится: «ὡς εἰς ἀναφυχὴν εἰς τὸν χάρκαρον ἐνεβλήθη», — что означает: «. . . как будто для отдыха был оставлен в тюрьме». Перевод неточен и, кроме того, утрачен сатирический стиль, вообще характерный для писем Льва из Синады остиарию Льву (ср. письмо № 6).

В переводе письма № 7 логофету геникона звучит странное признание: ныне я «враждебен как моим друзьям, так и господам» (употреблено английское слово «offensive»). В тексте сказано: «. . . καὶ τοῖς φίλοις προσκρούων καὶ τοῖς κυρίοις μου». Как известно, глагол «προσκρούω» может переводиться в обоих залогах: и «обижать, оскорблять», и «обижаться, быть недовольным», наконец, «бить обижаемым». Здесь, конечно, имеется в виду последнее: «ко мне враждебны и друзья, и господа» (следствие неудачи Льва в аванюре с интронизацией Филагата).

В письме № 12 Филагат именуется «дурным знакомым» Льва («τὸν κακῶς γνωρισθέντα»). Переводчица использует английское сочетание «bad friend». Но это неточно. Лев не мог отрицать своей роли в возведении на престол Филагата, а тем более — знакомства с ним, но он решительно не желал, чтобы их считали друзьями, хотя бы и бывшими. Поэтому перевод «friend» явно смещает смысловые акценты письма.

В письме № 51 автор вспоминает о встрече с адресатом, неким Никитой, в городе Пилы и, льстя его самолюбию, пишет: «Мудрецы ее (столицы. — О. Б.;

¹ Schramm P. E. Neun Briefe des byzantinischen Gesandten Leo von seiner Reise zu Otto III aus den Jahren 997—998 // BZ. 1929. 25. S. 92.

² Darrouzès J. Epistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960. P. 202.

в подлиннике; «οι γὰρ σοφοί») встретили меня в Пилах. Я говорю множественно: „мудрецы“ — об одном Никите, красно-речивом, многознающем, одухотворенном Господом и музамп. . .» М. И. Винсон переводит «σοφοί» словом «intelligentsia». Мало того, что оно звучит модернизаторски; такой перевод вдобавок не позволяет точно перевести следующую фразу, так как «intelligentsia» — собирательное существительное единственного, а не множественного числа.

Вступительной статье к изданию писем Льва хотелось бы пожелать большей подробности. Для понимания значения первых 13 писем Льва из Синады как исторического источника хорошо было бы проанализировать их содержание на фоне общей характеристики политической борьбы в Риме в 996—998 гг.; стоило бы подробнее разобрать внутрицерковные коллизии, предшествовавшие избранию патриархом Сисиния II, что, может быть, бросило бы дополнительный свет и на личность Льва из Синады. Следовало бы поставить вопрос о письмах Льва как источнике по экономической истории, тем более, что в них содержится многообразная информация по этим сюжетам (о материальном обеспечении митрополии Синады — письмо № 42; о хозяйстве г. Пилы — письмо № 54). Специально стоило бы изучить круг богословских и литературных источников Льва, определить уровень его образования. Могла бы быть более полной и точной психологическая характеристика личности Льва из Синады. Во всяком случае, мнение о нем как человеке наивном, систематически обманывающемся в людях, которым оказал доверие, в том числе — в Фи-

лагате (р. XI—XII), — не единственно возможное. Умение Льва моментально менять мнение о человеке, обращаться к одним и тем же людям в самой разной манере (от патетического восторга до площадной брани) и при этом — продуманность, отделанность всех его писем позволяют заподозрить в нем ловкого интригана, разочарованье которого в том же Филагате — следствие политического провала последнего, а вовсе не его душевной низости, неожиданно открывшейся Льву.

Наконец, оценивая научный аппарат издания, можно пожелать включения в указатели не только терминов, имен и названий, встречающихся в источнике, но и рассыпанных по статье, комментариям, т. е. на всем протяжении книги. Есть также некоторые неточности в библиографическом списке. В частности, М. Я. Сюзюмов обозначен как автор статьи «Antichnaia drevnost' i srednie veka», в то время как это название основного им и известного всем византистам периодического издания (р. XIX).

Письма Льва из Синады таят в себе большие резервы для дальнейшего изучения и использования. И если по некоторым частным вопросам их издателю М. П. Винсон можно сделать возражения, в целом высококачественная критическая публикация произведений митрополита Синады является несомненной научной заслугой американской византистики. Специалисты получили в свои руки новый свод важных источников, который, безусловно, будет по достоинству оценен ученой общественностью.

О. Р. Бородин

Brugs A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos/With maps and plans by R. Anderson and drawings by J. Winfield. Washington, 1985. T. I: Text. LI, 394 p., 122 Plates. T. 2: 290 Plates (Dumbarton Oaks Studies, XX)

Книгу Э. Брайдера и Д. Уинфилда византилисты ждали давно: о ее публикации было объявлено еще в 1975 г.¹ Обработка материала, собранного в результате полутора десятков научных экспедиций авторов на Понт начиная с 1957 г. была в основном завершена к 1976 г. Но печатание монографии со сложным аппаратом, многочисленными таблицами, рисунками, графиками, планами, картами и фотографиями растянулось на годы. Скажем сразу, что, несмотря на эту задержку, и оформление и содержание монографии делает честь авторам и издателям. Книга удобна в работе, прекрасно выполнена полиграфически.

Область Понта — одна из наиболее богатых памятниками византийских территорий. Однако быстрое исчезновение этих памятников в последние годы сделало особенно важным их описание, реконструкцию их облика, сбор всех свидетельств об их истории. В этом и заключалась одна из задач монографии. Другая состояла в том, чтобы рассмотреть эти

памятники в их конкретной историко-географической среде. Но эта цель потребовала тщательных топонимических изысканий. История топонимов сходна с историей памятников: они быстро исчезают и забываются. А для Понта эта проблема особая. Географические названия неоднократно изменялись и в результате замены греческих топонимов турецкими и в результате замены одних турецких топонимов другими (процесс переименований приобрел особую силу в последние годы). Наконец, не менее сложной оказывается проблема идентификаций на местности упоминаемых в письменных источниках топонимов и атрибуция сохранившихся памятников. Авторы справедливо полагают, что десятилетия их работы на Понте, быть может, были последней возможностью для проведения подобных изысканий (с. VII). Между тем до 1923 г. только для одной области Мацукки, на территории всего лишь 24 кв. км., был зафиксирован 1031 греческий топоним. 500 топонимов восстанавли-

¹ Например; Bulletin d'information et de coordination. Association Int. des études byzantines. Athènes; P., 1975/76. T. 8. P. 47.